Никуда нам всем
от прошлого не деться,
Тень его опять блуждает
по дворам.
Это детство, это
детство,
Это детство будоражит
душу нам.

— То, что вы делаете, — музыка прошлого, то есть музыка молодости моих родителей. Какая-то ностальгия. Восьмидесятые — семидесятые. Кто вас будет слушать сейчас? Вымирающая аудитория?

— У меня недавно на радио «Шансон» было интервью: столько звонков из разных городов — от Кривого Рога до Мурманска. От шестнадцати лет и до...

— И что говорят?

— Ничего плохого. Я был даже расстроен. Интересно же: когда враги звонят, как-то настраиваешься им ответить. Я много общаюсь с людьми, часто выезжаю с гитарой на пикнички. Я вижу, как люди относятся к песне, в которой есть содержание. Когда текст состоит не из серии лингвистических фраз: «Я тебя, ты меня, потому что люблю», а о чем-то.

И опять играет старая
пластинка,
И танцует моя девочка
со мной.
Это Нинка, это Нинка,
Та, что после
стала Витькиной женой.

— Это, вы считаете, со смыслом?

— Ну именно этот альбом я пытался сделать полегче и попроще. Без глубокой философии.

— Похоже на блатняк. Только без спецлексики.

— Может, немножко и похоже — тембром голоса. Меня многие спрашивали: почему ты не поешь что-нибудь поострее — для пацанов. А зачем блатной жаргон, мне хватает лексики, чтобы написать о нормальных чувствах, нормальных людях.

— Сейчас вы работаете с группой «Старый примус». В прошлом эта группа играла попсу не очень высокого пошиба. Вы сами как характеризуете свой стиль? Попса?

— Хорошо, а Лоза что — тоже поет попсу?

— Лоза — это прошлое и останется звездой из прошлого, а вы пытаетесь на базе прошлого сделать настоящее.

— А ваши родители что будут слушать? «Стрелок»?

— То есть вы бьете по ностальгии?

— Я просто занимаюсь своим делом и считаю, что это имеет место быть и оно должно быть. И это нужно.

Вот, положим, произойдет у вас какой-то катаклизм в жизни, ну например, в любви, — вы кого-то разлюбите или вас кто-то разлюбит. Поедете завтра на море со своим любимым и будете в его рубашке абсолютно боссоногая бегать по берегу. А послезавтра с ним расстанетесь. И тогда песня «Ты стоишь в моей рубашке» будет вам близка.

Вьются милые кудряшки,
Ты стоишь в моей
рубашке,
Милая проказница моя.

— А вам не кажется, что все это напоминает такую кабацкую лирику?

— Ну, у меня разные песни. Не спорю — некоторые действительно напоминают. Например, песня «Кухонька»: «На старой кухоньке немного посидим, о том о сем и ни о чем поговорим». Да, наверное. Песню «Колючка ржавая» тоже воспринимают как блатняк, а это, извините, архипелаг ГУЛАГ...

Архипелаг ГУЛАГ,
Россия-мать.
Возьми судьбу в кулак,
Не вздумай разжимать.

К сожалению, ассоциациями мыслят не все, поэтому пока я не стал ставить в альбом свои философские произведения. Но следующий альбом буду делать серьезнее, увереннее, может быть, ближе к року. Что такое «Машина времени» — это же бард-рок.

— Ну, я думаю, что это просто старый русский рок.

— Да не рок это, рок — это «Чикаго», «Кисс».

— Ну, наш рок и их рок — вещи совершенно разные. У них — культура шоу, у нас — культура исповеди. Слова для них не так важны. Взять тех же «Битлз» — Michelle. С точки зрения наших рок-текстов — попса чистой воды. Разве не так?

— Допустим. Но раньше рок был более экстремальным. Они говорили «нет войне» и все в этом роде.

— Панк-рок?

— Хотя бы. А у нас что? У нас бард-рок все-таки. Хорошо, если хотите, можно сказать, что «Машина времени» — это утяжеленный шансон. А вот блатняк — не шансон. Хотя даже блатняк бывает дешевый, а бывает очень смысловой. Есть такой, как «Вальсбостон». Это даже больше шансон. Но у того же Розенбаума есть и блатняк: «Семен, засунь ей под ребро» — какие проблемы.

Что такое вообще шансон? Это песня. Значит, песня. Конечно, я пишу еще и поэмы, и стихи. Но если говорить о музыке — да, шансон. То есть песня с нормальным содержанием. О чем-то, но не обязательно о любви — это может быть об электровозе, о самолете, лампочках, постели, кошке, медведе.

От стада отбившимся
лосем
Стою, а вокруг только
тьма.
Отшлепает слякотью
осень,
А там уже близко зима.

— А сами что слушаете?

— Вообще я человек всеядный. Я считаю, что нет плохих направлений, просто есть плохая музыка. Но я не считаю, что если песня не понравилась мне, то это плохая песня. Это не так. Бывает, у себя в альбоме делаешь ставку на одну песню, а вылезает другая.

Вообще из старого мне нравится «Иглз». Из наших — Кузьмин. Из молодых — «Данко», «Никита». Хорошие исполнители.

— Кто, по-вашему, хороший исполнитель?

— Очень важно, насколько честно и энергетически мощно исполняются вещи. Допустим, прихожу я на концерт Азизы — до сих пор такая энергетика! А слушаю других — не буду называть имен, не хочу опускать — такие все ровненькие. Поют никак и ни о чем.

— Для того, чтобы шла энергетика, нужен текст, который должен чувствовать исполнитель.

— Да. Причем не обязательно, чтобы сам писал. Главное, чтобы прочувствовал. Я не разделяю убеждения людей, которые считают: лучше плохо, но сделал сам. Текст должен писать профессионал. Который понимает того, кому пишет. А не просто так, на потоке. Потому что потоковая песня долго не живет. А есть песни вечные. Написал я песню «На деревне ночь» — в Сибири она сейчас застольная.

На деревне ночь тихая,
Темно да хоть глаза
выколи.
Луна из облаков выплыла,
Да вот ее опять выкрали.

— Вы делаете это для себя или для денег? Если для себя, то зачем выходить на большую сцену?

— Просят. Двадцать раз пытался бросить — все равно просят. Я три года безвылазно гастролировал, и это было не по два концерта в городе, а по 10, 15, 17. Я исколесил все — от Прибалтики до Камчатки.

— Вы тщеславный человек?

— Наверное, где-то присутствует. Но меня-то все-таки люди попросили. Да, если честно, даже и не они повлияли. Женщина. Знаете, могут 10 000 сказать «сделай это», и ты не сделаешь, а потом приходит одна, говорит: «А я хочу» — и ты делаешь.

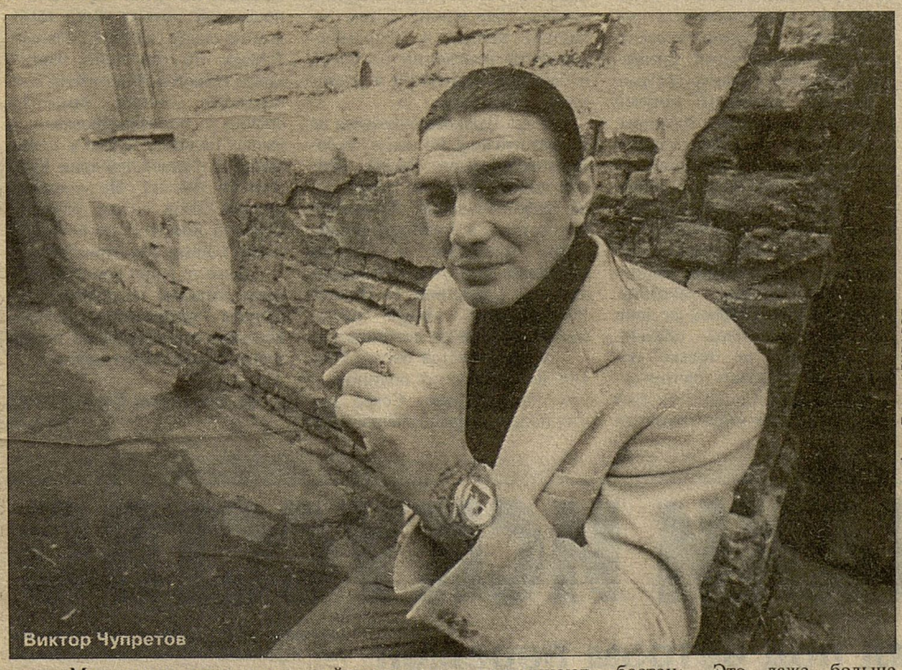
И все же женщину
я встретил
Там, где курочек на вертел
пожилой нанизывал грузин.

— Вы считаете: для того чтобы писать тексты про любовь, нужно находиться в состоянии влюбленности самому?

— Да. В противном случае получается воспоминание о любви.

Горе — это плохо, Маша,
Если ты совсем-совсем
один.

● **Беседовала Юлия САНКОВИЧ**



Виктор Чупретов

Фото Пааты АРЧВАДЗЕ

Виктор Чупретов первое стихотворение написал в семь лет. В пятом классе занял 2-е место в конкурсе «Поэты города», который в родном Омске устраивала «Пионерка». Подрос — захотел в Литинститут, а попал в технический — так бывает. Стал машинистом электровоза. Литературное «творчество» осваивал параллельно — в агитбригадах, КВНах и конкурсах. В 1987 окончательно выбрал поэзию. Сначала писал тексты другим — Азизе, «Старому примусу». В 90-м создал группу «Время Ч» и запел сам. Скоро у автора-исполнителя Виктора Чупретова выйдет четвертый альбом — «Под счастливой своей звездой»

Новая газ. — 2000. — 16–22 окт. — с. 21

«ВРЕМЯ Ч» ИСТОГО ШАНСОНА